

Воскресенье, 19 января 1914 г.

№ 17. Двадцать четвертый годъ. № 17.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.
Основана С. Х. Арутюновымъ.

Воскресенье, 19 января 1914 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой, по предоплате в
исполнительный комитетъ:

12 н.—9 р.—к.	8 н.—4 р. 50 к.	4 н.—3 р. 50 к.
11 н.—8 р. 50 к.	7 н.—5 р. 75 к.	3 н.—2 р. 75 к.
10 н.—8 р.—к.	6 н.—5 р.—к.	2 н.—2 р.—к.
9 н.—7 р. 25 к.	5 н.—4 р. 25 к.	1 н.—1 р.—к.

За переплату адреса 25 коп.

За пересылку извѣст. экз. добавоч. 1 руб. ежемѣсячно.

Подписка принимается только съ начала 1 числа
и не дѣлѣе конца года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: впередъ текста—20 к., издаеи текста—10 к. 20
шлѣт. сдѣланное строчкой коммариан.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.

За размѣст. объявленій 1000 стр.—8 р., и за каждый доп. стр.—2 р. 50 к. доп.
Главная контора помещается въ Ростовѣ на Дону, на Бол.
Садовой улицѣ, въ особн. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 7 ч. ве-
чера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.
Отдѣльные номера въ Ростовѣ 4 д. и въ отдѣльных—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

Редакция газеты помещ. въ Ростовѣ на-Дону по Большой
Садовой улицѣ, въ особн. домѣ.

Литература для печати. объявл. отпр. отъ 12 до 2 ч. дня.
Статьи должны быть составлены съ подписью и заре-
шеи автора. Принятые статьи, по усмотрѣнію редакціи,
могутъ измѣниться и сокращены. Статьи безъ осо-
быхъ условій считаются бесплатными. Мелкія замѣтки
рецензуются, статьи сохраняются 1 мѣсяцъ. Пересылку
рукописей обратно а торнѣ редакціи на себя не при-
нимаютъ. Гонораръ выдѣляется въ конторѣ по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для „Приазовскаго Края“ отъ лицъ, фирмъ и уч-
режденій, желающихъ или желающихъ свои главныя конторы
или представит. учрежденій и расположенны въ Россійской Импе-
ріи, за исключеніемъ Областей Дона, Кубань и Тав-
ри, въ исключеніемъ Областей Кавказа и Закавказья, учр-д. ПРИ-
нимаются исключительно въ центральной конторѣ,
облаженій Термитаго Дома Л. и Э. МЕТИЦЬ и К., Москва,
Мясницкая, д. 10, а въ его отдѣленіяхъ: въ С.-Петербургѣ,
Морская, д. 11, Варшавѣ, Маршальская ул., 130, Парижѣ, 8,
Парижѣ, Париж, Визань, Польская, 16, и Подольскѣ, Петропавловскѣ,
120, и др. объявленія печатаются по двадцати (20) копѣекъ за
строку конторами издаеи текста, впередъ текста цѣна двойная.

Л И С Т О Ч К И.

Чеховскій день.

Бываютъ такіе прозрачные, ясные и задумчивые дни, когда кажется, что земля уходитъ отъ своего «сейчасъ» и тихо и томно грезить о долгомъ своемъ прошломъ, объ ушедшихъ, отзвучавшихъ дняхъ...

Призрачнымъ и неуловимымъ кажется тогда крылатый летъ времени, такой тяжкій и грузный въ обыкновенный нашъ день; слабо хруститъ тонкій ледокъ подъ ногами, солнце, покой, тишина...

— День воспоминаній.

Таганрогъ, этотъ городъ отжившаго, съ тихими и широкими своими улицами, похожими на какіе-то аллеи воспоминаній, особенно гармонируетъ съ этимъ яснымъ, мудрымъ и соннымъ днемъ.

Чехова мы не застали. Говорятъ— онъ умеръ. Можетъ быть... Но отчетливо такъ ясно видишь его милую, грустную усмѣшку, точно озаряющую этотъ день, этотъ старый провинціальный городъ, эти любовныя, грустныя, наивныя рѣчи?

Чеховъ ушелъ, можетъ быть, туда, гдѣ «все небо въ алмазахъ», но мы остались, и вотъ видимъ, прозрачный, зимній день, пятна грязи на бѣломъ снѣгу, красный носъ Ивана Ивановича...

Хочется говорить шопотомъ въ этомъ «чеховскомъ домѣ», но вокругъ суетятся, шумятъ, пахнетъ ладаномъ, архіерей, дамы, военные въ орденлахъ, городской голова готовитъ рѣчь...

Если-бы Чеховъ не ушелъ, онъ навѣрное написалъ-бы очень смѣшной водевиль:

— Чеховскія торжества въ Таганрогѣ.

Хозяина нѣтъ дома, но вотъ его рюмка съ милымъ скромнымъ «чеховскимъ» лицомъ, вотъ братья, а тамъ, за стекломъ его синій пиджакъ въ полоску, который мы такъ хорошо знаемъ по портретамъ; шляпа, галстуки, перчатки...

Въ отдѣльной витринѣ письма Чехова, его рукописи, книги, портреты его друзей, и среди живыхъ, наплавленныхъ этотъ залъ—его лавры въ гимназіи, его воспитатель, женщины, которыя ему нравились...

Мнѣ показывали даму очень полную, уже немолодую, отяжелѣвшую отъ времени, и, можетъ быть, семейныхъ заботъ, и говорятъ:

— Чеховъ писалъ о ней въ письмѣ изъ Таганрога: «Вчера встрѣтилъ красавицу N...»

Все старится, уходитъ молодость, красота, люди, и для собравшихся здѣсь были не только поминки по Чехову, которымъ они гордятся, но и поминки по прошлому, по опавшему живишному саду, грустный молебенъ воспоминаній.

И въ библіотекѣ, и въ театрѣ, гдѣ читали рефераты о Чеховѣ, и на торжественномъ обѣдѣ въ клубѣ,—вездѣ

дѣла лица Воспоминаній сидѣла, склонившись въ своихъ траурно-сѣрыхъ, аллегорическихъ одеждахъ...

Павель Ивановичъ Вуковъ, воспитатель гимназіи вспоминаетъ:

— Да какъ-же не помнить мнѣ Чехова? Поймалъ я его однажды въ пивной и посадилъ въ арцеръ...

Публика устраиваетъ рассказчику овацію за эту оригинальную заслугу передъ русской литературой.

Гимназическія шутки и шалости занимаютъ особенно большое мѣсто въ этомъ потокѣ воспоминаній.

Иной разъ можно подумать, что здѣсь чествуютъ не память плѣнительнаго поэта, а память гениальнаго гимназиста Чехова.

Талантливый ростовскій адвокатъ г. Волкенштейнъ рассказываетъ о гимназическихъ продѣлкахъ Чехова прелестныя исторійки, въ которыхъ вновь оживаютъ его юморъ изобрѣтательность и страсть къ мистификаціямъ.

— Купилъ себѣ воспитатель Павель Ивановичъ часы, хорошіе золотые часы, которыми очень гордился. Чеховъ говоритъ: «Спроси у него, который часъ». Павель Ивановичъ въ первый разъ съ удовольствіемъ вынимаетъ часы и отвѣчаетъ. Но когда стали спрашивать второй, третій, двадцатый, сотый гимназистъ, онъ пришелъ въ бѣшенство. На улицѣ гимназисты кричали ему: «Павель Ивановичъ, который часъ...» И счастливый обладатель часовъ гонялся за ними, сажалъ въ карцеръ...

Лились воспоминанія. Пили шампанское. Въ трогательную картину чеховскаго дня влетали маленькіе обывательскіе курьезы, на изображеніе которыхъ такой мастеръ былъ Чеховъ.

Были тосты отъ «дамскаго общества г. Таганрога», привѣтственная телеграмма отъ «первоприсутствующаго по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ», были излишества юбилейнаго краснорѣчія, смѣшная, добрая, провинціальная «чеховская» Россія!

И, казалось, если-бы былъ здѣсь Чеховъ, сидѣлъ-бы онъ гдѣнибудь въ сторонкѣ и посмѣивался, сквозь пенсне, мягкой овеся, тонкой и грустной усмѣшкой...

Тутъ была земля, бытовая ткань чеховщины. Но среди громкихъ рѣчей профессора Серебрякова, который все кричалъ, что «надо дѣло дѣлать», слышалось все-же сіяніе чеховской грезы, трепетъ бѣлыхъ крыльевъ, свѣтъ иной жизни...

День воспоминаній кончился.

Замерли за окномъ серебряные бубенцы...

Тихо въ домѣ Чехова.

И слабо склоняется милая тѣнь надъ усталымъ лицомъ провинціального неудачника, дяди Вани.

— Уѣхали... Будемъ работать, дядя Ваня, будемъ работать...

НЕСОМНІСТЬ.